

Т. С. Петрова

«ИМЯ-ЗНАМЕНИЕ» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ МИФЕ К. БАЛЬМОНТА

Автобиографический миф – это, по выражению Б. В. Томашевского, «творимая автором легенда», «идеальная» биографическая версия, сюжетная модель, получившая в сознании поэта онтологический статус, «получающая многообразные трансформации в его художественном творчестве» [1, с. 37]. Определяя таким образом характерное для эпохи символизма явление, Л. И. Будникова отмечает: «Одним из первых среди русских символистов Бальмонт мифологизировал собственную биографию как жизнеописание прирождённого художника, Избранника, Поэта Божьей милостью» [1, с. 41].

Совершенно справедливо рассматривая автобиографический миф как интегратор художественного мира Бальмонта, Л. И. Будникова называет источники, обусловившие различные грани этого мифа. Во-первых, «генеалогический сюжет»: «Поскольку поэтами *рождаются*, Бальмонт никогда не сомневался, что генетика, фактор “крови” определяют фундаментальные свойства личности художника и основные черты творчества» [1, с. 42]. Отсюда – представление «экзотических предков – татарского князя Золотой Орды Белого Лебедя (по материнской линии) и “викинга” Балмута, “морской души”, “смельчака и бойца” (по линии отца)».

«В разных источниках Бальмонт указывает и на другие свои корни – польские, шведские, шотландские, литовские», – пишет Л. И. Будникова [1, с. 42]. Важно, что мифопоэтическое наполнение автобиографический миф получает в контексте всего творчества поэта, и в этом отношении особую роль играет взаимодействие интеграторов бальмонтовского художественного мира. Одним из таких интеграторов является мотив пути. Для Бальмонта путь – это осуществление судьбы во взаимосопрежении Божественной и человеческой воли, осуществление замысла Бога о человеке. Не случайно истинный путь открывается человеку во сне.

Во сне возможно возвращение в давно утраченный родной усадебный мир (Донная трава, т. 4, с. 56), совершается «сказочный путь» (Колыбельная, т. 4, с. 57). Во сне лирическому герою открываются неземные пути (Лестница сна, т. 4, с. 124; Кругоём, т. 4, с. 125–126). Во сне пути земные становятся путями небесными, открывающими герою его самого – истинного (Сон прелестный, т. 4, с. 100–102) [2].

Таким образом, пути во сне есть не просто отражение, но освобождение живой преображённой души (Сон, т. 4, с. 107). Сон – это вещая тропа, позволяющая «умчаться от оков» «в бездонность мира» (От Солнца, т. 4, с. 111). Само Солнце идёт по этому пути. Путь в инобытие – на родину души – представляется как путь звёздный – Млечный Путь: «Достаточно я был на этом берегу, / И быть на нём ещё, – как рок, могу принять я. / Но, солнечный певец, как Солнце, на бегу, / Свершив заветное, час ночи стерегу, / Чтоб в Млечном быть Пути, где новых звёзд зачатъе» (От Солнца, т. 4, с. 111). Совершенно закономерно путь певца представляется песней – единой песней из земных и небесных, солнечных и звёздных, человеческих и божественных строк (Безлунные ночи, т. 4, с. 110).

Лирический герой стихотворения «Морской сказ» (т. 4, с. 117–120) в вешем сне прозревает колдовской сказ о Солнце и Море («В нём путь, и пенный вал, и чёрный дуб-дракон») – таково мифопоэтическое отражение глубинной памяти об истоках рода, из поколения в поколение передающего родовое (наследственное) имя в разных его вариантах: Вельмуд – Балмут – Бальмонт.

«Имя-Знаменьё» – таково название стихотворения, написанного в особой форме («вязь сонетов»). Семь сонетов, составляющих этот текст, связаны между собой рифмовкой заключительного слова предыдущего и первого слова последующего сонета. Это не просто создаёт особую цельность версификационной формы, но выступает одним из средств выражения главной идеи произведения об органичной связи всего и вся в мировом

универсуме, – а следовательно, о значимости каждой составляющей мира, глубинное родство с которым ощущает лирический герой. Стремясь дойти до корней в этой родственной связи, он совершает путь в глубь пространств и времён и обнаруживает звенья в цепи своих предков: космических отца и мать – Солнце и Луну; культурно-исторических «родственников» – «Скифы, Чудь, Литва, Монголы. / Древляне. Светлоокий Славянин. Шотландия <...> Скифы», Египет («Озирис. Гиероглифы»), «Индия моя». «Вести ли нить к истокам бытия? / Чуть что найдёшь, уж новое искомо. / Сестра мне – птица, и сестра – змея», – такое мироощущение определяет «живую мудрость», которая лежит в основе бытия и которая не ограничивается рамками человеческого знания.

Вот почему лирический герой-поэт стремится понять явления окружающего мира как знаки, выступающие проявлением сущностных характеристик бытия, знаменами мира метафизического. На этом основании прочитывается символика фамильного герба – лоза и колос выступают символами одухотворённых основ земного и творческого мира: «Лоза и колос, знак вина и хлеба, / Мой герб. Мой пращур – пахарь. Нет, не тать, / Он – виноградарь. Он любил мечтать. / Любовь – души единая потреба. // Любовь и воля. Дух и плоть одно»; «В моём гербе – лоза, и в ней – вещанье <...> Она пережила пересозданье <...> В ней крепкий дух. / В ней смысл исконно-древний»; «Сноп – как алтари среди полей. // Мой пращур, ты проснулся утром рано, / И колос, полный власти талисмана, / В мой герб вковал на всю бездонность дней» (т. 4, с. 121–122); «О, пращур сохи и с ней меча! / Мой храм – Земля, но с кровлей Небосклона. / Издревле кровь смела и горяча. / Сильнее – дух. От духа – оборона» (т. 4, с. 123).

«Имя человека и любого другого существа, и каждого предмета, есть не случайность, а мистическое значение его сущности, тайнопись его Я, очерк его лика», – пишет Бальмонт в книге «Змеиные Цветы» [3, с. 238].

Символический смысл своего родового имени Бальмонт возводит к мифопоэтическим соответствиям, очевидным для него на основании соответствий звуковых: Баал (от Балу) – в западно-семитской мифологии бог-хозяин, владыка, умирающий и воскресающий бог [4, с. 159]; Монту – в египетской мифологии бог войны; слился с Амоном в имени Амон-Ра-Монту [5, с. 175–176]; в бальмонтском тексте он представлен как «бог Луны, бог нежных чар» – «Бальмонт – певец всемирного закона, / Он должен славить солнечный пожар» (т. 4, с. 123).

Фонетическое сближение имён Бальмонт – Бальмунг в финале произведения выступает основанием семантического соотношения и мифологизации имени, которое выступает как «Имя-знаменьё»: «Бальмунгом звался светлый меч Зигфрида. / Из мрака к свету царствие моё». (Главный подвиг героя германо-скандинавской мифологии Зигфрида (Сигурда) – умерщвление дракона Фафнира, что можно трактовать как победу над силами хаоса [5, с. 433].)

Поэтическая формула «Из мрака к свету царствие моё» предельно ёмко отражает направление жизненного, творческого и духовного пути поэта, заключённого в самом его имени.

Примечания:

1. Будникова Л. И. Автобиографический миф как интегратор художественного мира Бальмонта // Будникова Л. И. Творчество К. Д. Бальмонта в контексте русской синкретической культуры к. XIX – нач. XX века. Челябинск, 2006.
2. Цитируется по изданию: *Бальмонт К. Д.* собрание сочинений: в 7 т. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. В круглых скобках указывается том и страница.
3. *Бальмонт К.* Змеиные Цветы / К. Бальмонт. М.: Скорпион, 1910.
4. Мифы народов мира: в 2 т. Т. 1. М., 1992.
5. Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2. М., 1992.